

УДК 271.2(470)(091)
<https://doi.org/10.26516/2222-9124.2021.36.105>

Эволюция взглядов А. В. Карташева на историю Русской православной церкви имперского периода

С. П. Бычков

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, Россия

О. В. Гефнер

Омский государственный аграрный университет им. П. А. Столыпина, г. Омск, Россия

Аннотация. Рассматривается точка зрения выдающегося русского публициста, общественного деятеля, историка Русской православной церкви А. В. Карташева на особенности существования Русской православной церкви в период Российской империи. Делается попытка, исходя из новых источниковых данных, понять значительное изменение позиций Карташева, представленное на страницах некоторых публицистических статей 1930-х гг. и в «Очерках по истории Русской Церкви», в сравнении с его дореволюционными публицистическими взглядами.

Ключевые слова: Русская православная церковь, синодальный период, А. В. Карташев, концепция истории русской церкви.

Для цитирования: Бычков С. П., Гефнер О. В. Эволюция взглядов А. В. Карташева на историю Русской православной церкви имперского периода // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2021. Т. 36. С. 105–117. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2021.36.105>

Конец 1980-х – 1990-е гг. стали временем активного возвращения православия в политическую, социальную, культурную среду России. Одновременно идущий активный издательский журнальный и книжный бум сделал общедоступными труды и известными имена, связанные с богословием, философией, церковной историей, до этого забытые или совершенно неизвестные отечественной научной и интеллектуальной публике. Новыми красками заблестал и русский Серебряный век, понимавшийся ранее преимущественно как литературное и художественное возрождение, и картина широчайшего спектра духовных поисков эпохи стала довольно отчетливой и насыщенной. Среди когорты имен, стоявшей у истоков религиозно-философского движения первых двух десятилетий XX в., ставшей известной культурной, научной, церковной, богословской общественности, особо выделяется имя Антона Владимировича Карташева.

Вышедшие впервые в России в конце 1980-х его двухтомные «Очерки по истории Русской Церкви» стали заметным событием в богословских, церковных, общественных, научных кругах и обусловили активный интерес к самому автору. Личность Карташева, его научные труды по истории церкви значимы и интересны по нескольким основаниям. Так, с одной стороны,

он являлся выразителем идеи и духа «народного православия». Выходец из семьи уральских горнозаводских служащих, с восьми лет служивший в храме, он до конца долгой жизни был приверженцем красоты и духа православного богослужения, сторонником идеи русского национального православия, «русского христианства». При этом он был питомцем и хорошим знатоком старой духовной школы, прошедшим последовательно все ее ступени: от церковно-приходской школы – через училище (бурсу), семинарию – до полного курса Санкт-Петербургской духовной академии. В итоге А. В. Карташев стал еще и носителем идей и традиций академической корпорации, когда в 1900–1905 гг., будучи исполняющим обязанности доцента, занимал в академии кафедру истории русской церкви.

В 1901–1903 гг. он стал активным участником религиозно-философских собраний в Петербурге и в дальнейшем – председателем Петербургского религиозно-философского общества. Таким образом, он попал в волну религиозно-философского возрождения в России, явился одним из носителей его идеологии и устремлений. Выступал он и как публицист в газетах «Русское слово», «Речь», в журналах «Новый путь», «Вопросы жизни» и других изданиях. 1917 г. вынес его и на верхи общероссийской политической жизни. Так, в июне – октябре 1917 г. А. В. Карташев входил в состав Временного правительства как министр исповеданий, был членом Предсоборного совета и Поместного собора Российской православной церкви 1917–1918 гг. С 1919 г. он пребывал в эмиграции, входил во временное правительство Юденича также в качестве министра исповеданий. Уже в эмиграции, в 1925–1960 гг., Антон Владимирович являлся профессором русского Православного богословского института им. святого Сергия в Париже. Карташеву была суждена долгая жизнь: рожденный в 1875 г., он скончался в 1960 г. и тем самым стал одним из последних свидетелей и носителей самого духа старой России, ее интеллектуальных движений, церковно-исторической учености. Самого себя он считал последним в ряду академических ученых старой формации, а свои воззрения и построения в «Очерках по истории Русской Церкви» – переходным звеном к ученым, начинающим свою научную и интеллектуальную жизнь в постсоветской России.

Ученик Карташева, о. А. Шмеман, признавал публикацию «Очерков» крупным событием не только для богословов и историков, но и для всей русской культуры. Карташев для него – носитель и очевидец высочайшей академической культуры, обладавший знанием изнутри, знанием, которым обладать более уже никто не будет. Он называет «Очерки...» большой книгой большого мастера, большого историка и ученого, создателя истории «большого стиля». При этом автор не только свидетель, но и живой и страстный участник трагической эпохи, носитель ее пророческого духа [23, с. 272].

Необходимо отметить, что в постсоветский период изучение личности и трудов А. В. Карташева стало достаточно насыщенным и продуктивным. На протяжении последних тридцати лет, помимо многократно переиздававшихся «Очерков...», были выпущены «Вселенские Соборы» и «Воссоздание Святой Руси», сборник «Церковь. История. Россия», написаны монография,

две кандидатские и одна докторская диссертации, посвященные его личности, многим аспектам научной и политической деятельности, опубликована большая часть его эпистолярного наследия, продолжают выходить статьи, освещающие разные аспекты его жизни и научного творчества. Сложилось уже несколько направлений в историографии, по-разному оценивавших вклад Карташева в историографию русской церковной истории, подробно проанализированных А. В. Антощенко [2].

Тем не менее, как показала недавняя напряженная и очень продуктивная работа А. В. Антощенко над материалами Бахметьевского архива с последующей активной публикацией писем Карташева Г. И. Новицкому, написанных во второй половине 1940-х – 1950-х гг., по-прежнему остаются возможности для открытия эпистолярных и публицистических материалов, по-новому и крайне нетривиально открывающих деятельность Карташева в эмиграции. Несмотря на множество изученных аспектов его жизни и научного творчества, немало эпизодов находится в тени, некоторые переломы мировоззрения также остаются пока без отчетливого ответа.

Одним из самых заметных и в то же время долгое время неясных переломов в его творчестве стала кардинальная смена оценок синодального периода истории Русской церкви, произошедшая в период со второй половины 1930 до 1959 г. – года выхода «Очерков по истории Русской Церкви».

Для исследователей творчества Карташева эта смена была очень ошутима и зачастую недостаточно понятна. В диссертации С. П. Бычкова она объяснялась сменой ракурса видения (для Карташева, бывшего «внутри» периода, слабости церкви виделись отчетливее, нежели позднее, когда и острота проблем стала явлением историческим, и по сравнению с тяжелым настоящим все старые проблемы стали казаться менее острыми) [3].

Новую попытку рассмотрения этой проблемы мы наблюдаем в последних статьях и тезисах Н. Ю. Суховой [21; 22]. Она поставила вопрос ребром даже в самом названии: «А. В. Карташев о синодальном периоде в истории Русской церкви: стыд и позор или слава и гордость?» [21].

Ключом к ответу на казус смены оценок, с ее точки зрения, является понимание того, что «во все периоды своей деятельности Карташев строго разделял понятия «синодальный строй» и «синодальный период»: «Синодальный строй в понимании А. В. Карташева имел несомненные изъяны, из которых можно выделить два наиболее тяжелых. Одним из них, определившим крах империи, он считал “раскол в мировоззрении русского народа”: правящего класса, которому привили “западное сознание в духе рационализма, индифферентизма, вольтерьянского презрения к своей Церкви”; клира, прошедшего “схоластическую школу на латинском языке” и отчужденного внутренне от простого народа; народных низов, вынужденных жить в одиночестве, ставших загадкой и для культурных классов, и для духовенства, косневшего в суевериях и религиозно увядавшего. Второй изъян синодального строя А. В. Карташев видел в “связанности церковной свободы”, лишенности Русской Церкви “своей соборности, выборного начала и вообще всего самоуправления”. Синодальный же период, с точки зрения

А. В. Карташева, имел немало положительных изменений в церковной жизни, которые любого беспристрастного исследователя заставляют сделать вывод не о ее упадке, а о ее расцвете. Все это, с точки зрения А. В. Карташева, становится убедительным свидетельством внутренней силы Русской Церкви, которая оказалась способной преодолеть все нюансы “дефективного режима”, победить его внутренне» [21, с. 310–312]

Действительно, до революции 1917 г. Антон Владимирович Карташев был известен как активный публицист и критик синодальной системы церковного управления. Эта критика вполне соответствовала, с одной стороны, духу ожидания либеральных реформ, характерных в целом для всего русского общества начала XX в., прогрессивного, в том числе и думского, духовенства, а с другой – продолжала серию дискуссий и рассуждений о судьбах религии, мирового христианства и русского православия, активно развернувшихся религиозно-философскими кругами обеих столиц.

Карташевым при этом выдвигалось несколько идей, вполне отчетливо фиксировавших самые болевые точки существования Русской церкви. На примере нескольких его публикаций, в частности в «Русском слове», они достаточно хорошо определяются.

Карташев указывал, что отсутствие полноценного внутреннего высшего церковного управления (в идеале патриаршества) обусловлено тем, что со времен Петра Русская церковь перестала быть самостоятельным общественным организмом и превратилась в инструмент государственной политики, стала мертвым государственным механизмом, ведомством. Обер-прокурор в силу исторических обстоятельств из координатора и наблюдателя за церковными делами превратился в распорядителя и управленца Русской церкви. Церковь оказалась загнана в те рамки, которые были предусмотрены имперским государством, его бюрократией [5; 17]. Церковь при этом постепенно утрачивала свою живую общественную роль.

К началу XX в. жизнь политическая и общественная, общий религиозный расклад внутри России далеко ушли вперед и изменились, особенно после Первой русской революции, а церковь оставалась на месте. Реформы в ней назрели очень давно. Большинство же обер-прокуроров, во власть которых была отдана церковь, главную свою задачу видели в сохранении статус-кво.

Обер-прокуратура не дождалась от Карташева вообще ни одной положительной характеристики. По его мнению, единственное, чему хорошо научилась обер-прокуратура, – изящной бюрократической игре, маневрам и лавированию. Слухи и обещания, запугивания и опасения, проекты о выведении церковного законодательства из подотчетности Госсовету и Думе [14], декларируемые обер-прокуратурой, оказались фикцией. Именно благодаря усилиям обер-прокуратуры все большие вопросы реформ, имитационно переводясь в практическое русло, мельчали, растворялись. Получалось как бы злостное вышучивание всех серьезных проблем [8; 18].

По итогу, несмотря на постоянные слухи о Соборе и патриаршестве, он так и не был созван до Первой мировой войны, а в войну стало уже и не до Собора. Кроме присутствия духовенства в Думе, ничего принципиального в

общем раскладе государственно-церковных взаимоотношений не произошло [12]. Само духовенство через это представительство не получило никакого улучшения своего положения или нового общественного статуса: ни постоянного жалования из казны, ни отдельной партии, фракции или группы в Думе [11], а еще и вынуждено было поддерживать правых с их рискованными политическими выпадами [7]. Надежды на возможности продвижения вопроса о реформах [13] духовенством в Государственной думе тоже оказались неоправданными [20]. Не был осуществлен и двухэтапный минимальный проект реформы, предполагавший как освобождение церковного законодательства от власти Думы, так и право доклада первого лица Синода непосредственно императору как главы церкви [15; 19].

Отсюда и часто повторяемая им фраза Ф. М. Достоевского о том, что Русская церковь находится в параличе, т. е. в глубоком политическом, общественном, культурном застое: «Стоит она бедная без собора, без науки, без свободы, с нищим духовенством и пьяным, диким народом, разбегающимся по сектам. Стоит в истинном параличе. А теоретики личной, бесцерковной религиозности, не имеющей ничего общего с православием, вселенской церковью вообще, укрепляют этот паралич навеки» [5; 6]. При этом паралич, в который впала Русская церковь, привел к тому, что и жизненно важные церковно-общественные проблемы не решались десятилетиями (к примеру, проблемы убыстрения церковного развода, создания чина погребения инославных или отпавших от церкви, окончательного и бесповоротного возвращения старообрядцев в общественную жизнь страны и создания внятного общественного объяснения причин раскола и признания одинаково благодатными таинств и иерархии русского старообрядчества [17]). Дело дошло до того, что церковная иерархия отказывалась от любых назревших изменений, если они не были инициированы государственной властью.

«Вся она преисполнена трусостью пред малейшими пустяками реформ канонических, бытовых и просто бытовых формальных... Трусость тут фатальная, неподвижность прямо болезненная, воистину параличная, при всех видимых порывах к движению. Не могут решиться даже с бракоразводной грязью в консисториях, тем более бессильны допустить приходское самоуправление и уже окончательно робеют перед собором и патриаршеством. Паралич у русской церкви, конечно, общий с инерцией государственной. Особенно это сказалось на патриаршей реформе. Перезрели все сроки, исчерпаны все поводы для нее, и все-таки не хватило духу провести ее. Воля занемела, скована страхом: как бы чего не вышло...» – отчаянно констатировал публицист [5].

Таким образом, здесь Карташев недвусмысленно выглядит критиком обер-прокурорских порядков, как и в целом самого синодального периода.

Однако спустя 20 лет, уже с середины 1930-х гг., а затем и в «Очерках по истории Русской Церкви» вдруг начинает обозначаться иной взгляд на жизнь Русской церкви в имперский период.

Как полагал сам Антон Владимирович, давно назрела необходимость в пересмотре многих общественных и научных позиций, связанных с последним, синодальным периодом.

При этом для него самого это означало пересмотр некоторых позиций, высказываемых им еще с начала века. В самой последней редакции своей точки зрения на синодальный период тем не менее он отказывается принципиально отделять церковь от государства и говорить о слишком жестком гнете или периоде жизни церкви «при государстве» – в синодальном периоде, когда церковь, живя хотя и в секуляризовавшемся государстве, все же оставалась в личной унии с ею миропомазанным православным попечителем-монархом и свободно, на основе узаконенного господства и первенства, развивала свою миссию – христианское воспитание народа и воздействие на всю культуру. Тогда она не только «квартировала» в Российской империи. Нет, при всех внутренних идейных и политических диссонансах Русская церковь в синодальном периоде жила в своем собственном народе, в своем отечестве, в своем историческом русле. И при небольших сравнительно конституционных реформах достигла бы канонически и жизненно совершенно нормального положения [8, с. 140–141].

На наш взгляд, попытка Н. Ю. Суховой понять изменение оценок Карташева через «расщепление» синодального строя и синодального периода малопродуктивно в силу того, что у самого Карташева эти понятия не настолько строго разведены между собой, с одной стороны, и с другой – открылись некоторые обстоятельства в источниках, которые позволяют и более детально и несколько иначе посмотреть на проблему.

Если судить по новым публикациям писем Карташева [1], причиной пересмотра синодального периода явился его новый политический дрейф вправо, что является, конечно, несколько удивительным для него, как человека, близкого к кадетам до революции и ставшего кадетом в 1917 г. В 1950-е гг. происходит окончательное разочарование и в «медовом» промежутке между Февралем и Октябрем 1917 г. В переписке все чаще мелькает понятие «керенщина», что часто у него символизирует слабость демократических республик, нежелание жесткой рукой двигать и контролировать политический процесс, «забалтывание» проблем и наивное полагание, что все само собой как-то «рассосется» и «облагоразует». Усиление имперских, единодержавных воззрений, видимо, стало происходить уже с середины 1930-х гг., когда он, отмежевавшись от евразийцев, окончательно приходит к национальной идее, политическом теле России, все-таки прорастающей от святой Руси, Третьего Рима, а не во многом умозрительной «империи Чингисхана», в которой, кроме веротерпимости монголов, с духовной точки зрения черпать практически было нечего. Евразийский конструкт неизменно требовал бы для своего духовного склеивания специфичную надрелигиозную «скрепу». На худой конец, сгодилось бы и православие, будь оно менее враждебно исламу и буддизму, но все это заводило Карташева в непреодолимые дебри и методологические тупики.

Имперский период теперь для Карташева – это период не аномального, а нормального развития: «...история на обширной равнине Восточной Европы соткала не простое подлеположение множества разрозненных рас, языков и государств, а единое имперское тело, единую нацию, единую культуру и единую органически, а не насильственно, первенствующую русскую православную церковь» [9, с. 38].

Запад бросил вызов России, и Петр, буквально вздыбив Россию, заставил ее быть адекватной Западу. Карташев оставляет за скобками особенности политического, военного, промышленного вызова России, говоря о новом светском характере европейской культуры (лаицизм). Петру удалось стать равным и даже опередить Европу, создав новое политическое тело – империю.

Этот огромный исторический организм стал благотворным для народа и, скорее всего, окончательной максимально возможной положительной нормой его политического бытия. Такой гигант должен держаться единодержавием. Именно империя способствовала развитию всех народностей, входивших в ее состав, медленно, но верно переплавляя все нации в единый русский народ. При этом, яростно ненавидя большевиков, тем не менее Карташев был против дробления России в результате этой борьбы и выхода отдельных наций из ее состава. Ему нужна была единая Россия в имперских или близких к ним границах. Об этой идее вспоминал и игумен Геннадий в статье «Призвание к великодержавию», в которой воспроизвел статью Карташева «Единство России», напечатанную в США в 1954 г. [4]

А если так, то и церковь для такого государства должна быть имперская.

В письме к Г. И. Новицкому от 24 января 1953 г. он формулирует эту позицию очень определенно: «Православие – это единственная и после 1000 лет уже не заменимая и не подменимая “душа” того имперского “тела”, которое приобрело имя России» [1, с. 242].

Карташев уже имел дело с имперской церковью в предыдущий период ее жизни и был, как мы видели, достаточно последовательным критиком ее слабых сторон. Но теперь он склонен был пересмотреть все еще раз в свете изменившихся условий и с желанием составить полный реестр положительных и отрицательных сторон прошлых государственно-церковных взаимоотношений. Причин у того могло быть несколько.

Пожар революции и Гражданской войны уничтожил и старое государство, и старую церковь. В «Воссоздании Святой Руси» у него есть интересный образ погорельцев, которые не должны сидеть сложа руки на пепелище, а засучив рукава работать над новым домом. Если продолжать этот образ, то Карташеву при этом строительстве было важно составить некий общий реестр всего, что было в этом «старом доме» – и хорошего, и плохого, и в большей степени хорошего, чтобы новый «дом» строить без хронических болезней и проблем старого.

Есть и психологические причины. Живя в относительно благоприятной социальной атмосфере, человек многое благостное и хорошее воспринимает и определяет как естественное. Говорить об этом естественном и хорошем

считается банальным, несвоевременным, «моветонным» (на то оно и «естественное», само собой разумеющееся). Он живет жаждой улучшений или предвкушений лучшего. И только полная утрата заставляют активно вспоминать былое. На это со временем у русских эмигрантов, несомненно, накладывалась и «сумасшедшая» ностальгия. Утрата старого государства и старой церкви в таком случае заставляли их, свидетелей, вспоминать лучшее. И тогда появление таких «положительных» фрагментов у Карташева даже более понятно и естественно, нежели их отсутствие.

Тем более момент сравнения был не в пользу новой власти в России (СССР). При активном сопоставлении все грубости и смелые противоцерковные шаги императоров и императриц, вплоть до секуляризации, опалы некоторых митрополитов (вроде Арсения Мацеевича), старые капризы и нелепости обер-прокуроров, их негласные запреты и препятствия теперь казались детскими милыми шалостями по сравнению с массовым закрытием храмов и их перепрофилированием, взрывами кафедральных соборов, вскрытием и уничтожением мощей, изъятием и уничтожением церковного имущества, расстрелами и гонением духовенства и верующих, закрытием всех православных академий и семинарий, церковно-приходских школ. В этих обстоятельствах по-прежнему оставаться только на критических позициях означало, пусть и невольно, возможность добавлять очки и давать дополнительные аргументы решительным гонителям и разрушителям церкви.

К тому же от Карташева никто не мог требовать досконального соблюдения точек зрения дореволюционного периода, когда и он сам, и его сотоварищи пережили четыре парадигмы жизни, четыре уклада (царский, «февральский», периода Гражданской войны и эмигрантский). Многие отметились постоянным колебанием и вступлением в разнообразные совершенно невероятные политические и церковные коалиции. При этом Карташев, вернувшись умозрительно к единой державному укладу, на удивление оставался верен многим идеям по прошествии почти полувека.

Если внимательно всмотреться в его конструкцию, то окажется, что в ней и нет особых сильно острых противоречий. Если вспомнить основные аспекты его критики до революции, то они касались прежде всего обер-прокуратуры как особого механизма управления церковью. Мысль Карташева была проста: обер-прокуратура – чужеродный орган. Церковью должен был управлять либо сам император, либо патриарх. Если царю было «некогда» заниматься церковными делами, то он должен был либо поручать это старейшему члену Синода, возглавляющему Синод, либо восстановить патриаршество. Обер-прокуратура же стала «заклятым местом», попадая куда даже такие неглупые, образованные и просвещенные люди, вроде К. П. Победоносцева, превращались в «замораживателей» России, «протирателей совиных крыл». Над ней как будто бы лежало заклятие торможения, косности, обскурантизма, по наследству передававшееся от одного обер-прокурора к другому. Именно поэтому обер-прокуратура не дождалась от Карташева ни одной положительной оценки ни до революции, ни в «Очерках».

При этом Петр при создании обер-прокуратуры сложил на удивление крепкую конструкцию, ослабившую церковь. Он, сделав церковь частью государства, образно говоря, превратил ее в оранжерейное растение. При подпитке со стороны государства она продемонстрировала чудеса роста. И, конечно, этот рост невозможно было не заметить.

Большому имперскому «телу» нужна была большая «душа». Описание размеров этой «души» мы встречаем во вступлении к разделу «Синодальный период» в «Очерках». При сопоставлении обнаруживаем, что это статья Карташева «Русская церковь периода империи», написанная еще 1937 г. [16], в которой он изложил основы своего подхода к периоду. В тексте «Очерков» ее положения несколько сжаты и тезисны, нежели в самой статье, но тем не менее без труда структурно определяются при прямом сравнении.

Здесь Карташев более определенно говорит о Петре как о создателе новой структуры взаимоотношений церкви и государства, встроившем церковь внутрь государства, сделавшем царей-императоров главами церкви. Все это проходило на фоне давно идущего раскола и растущего сектантства, и поэтому церковь сдалась без борьбы. И второе творение Петра – секулярная культура и секулярная интеллигенция. Церковь при этом потеряла широкую внутреннюю опору в культурных слоях нации.

Описывая успехи в статье и повторяя конспективно в «Очерках...», он действительно фиксирует колоссальный рост церкви. Прежде всего это количественный рост: 150 млн православных на излете империи, успехи миссионерства на Кавказе, в Прибалтике, Польше, около 4 млн униатов, вернувшихся в лоно церкви, миссионерское движение в Китае и Японии, выход на Аляску, создание Палестинского общества. Число епархий, возросшее до 70, 50 тыс. церквей, 100 тыс. духовных лиц, 1 тыс. монастырей с 50 тыс. монашествующих, 55 семинарий, 100 училищ, 100 женских епархиальных училищ с 75 тыс. учащихся [16, с. 174–177]. Сформировалась собственная богословская наука, которой не было в Московской Руси, свидетельством чему стали четыре духовные академии; появилась духовная журналистика; начато издание Библии на русском языке.

Сама классическая русская литература испытала глубочайшее влияние православия, возник целый слой мирян, деятельно участвующих в делах церкви, – от Хомякова до Вл. Соловьева. Появилось новое храмовое зодчество, новая святость – около 100 новых святых из 500 за весь православный период. «Петр бросил вызов монашеству, и оно ответило через 50 лет явлением Святого Тихона Задонского, а через 100 лет – преподобного Серафима Саровского» [16, с. 178].

Революция стала испытанием для церкви, как и для нации, но церковь мало сопротивлялась революции. Империя, забрав у церкви «силовой ресурс», в конечном счете погубила и себя и чрезвычайно ослабила силы самоорганизации внутри церкви. И здесь Карташев ни на шаг не отступал от своих дореволюционных позиций: внешний расцвет церкви дорого ей стоил в силу только внешней государственной организации и организованности, ревность со стороны обер-прокуроров, нежелание дать возможности здоро-

вым внутренним церковным силам вести собственную широкомасштабную социальную, воспитательную, культурную деятельность привели к тому, что, образно говоря, при разрушении «оранжереи» – утепляющего и берегущего шатра имперского государства – большая часть цветущего большого сада церковного погибла, совершенно непривычная к таким условиям.

Сам он говорит о предыдущей аберрации (искривлении) взгляда на церковь в синодальном периоде, чрезмерном преувеличении негатива при рассмотрении церковно-государственных взаимоотношений в дореволюционной публицистике, чему и он сам приложил определенные усилия. В «Очерках» же он теперь прямо пишет о необходимости «по всем внешним и внутренним признакам... дать отставку устаревшей односторонне-пессимистической оценке синодального периода и увидеть в нем высшее, исторически-восходящее выявление духовных сил и достижений русской церкви» [10, с. 320].

Таким образом, к изменению взгляда А. В. Карташева на имперский период в конце 1930-х – 1950-е гг. привело несколько обстоятельств: попадание церкви после революции в чуждую политическую, социальную, культурную среду, когда совершенно отчетливо стала ясна конфигурация предыдущих взаимоотношений и видны их лучшие стороны; отказ Карташева от евразийства и переход к идее воссоздания именно святой Руси, мыслимой теперь в имперских границах; события Второй мировой войны, приведшие к усилению «советской империи» и продемонстрировавшие Карташеву историческую максиму существования государства Российского, пусть и под иными идеями и властью. Он, никогда не чуждый идее максимальной задачи для христианства, выражавшейся в христианизации государств, стал понимать особенности существования русской церкви в имперскую эпоху теперь более широко и миролюбиво, оценивая в целом этот процесс как положительный, с теми определенными издержками, которые, если бы хватило ресурса исторического времени и активного участия либеральных светских и церковных сил, имперская власть со временем бы изжила.

Список литературы

1. Антощенко А. В. «Дальнейшее по секрету только для Вас». Письма А. В. Карташева Г. И. Новицкому. 1953 г. // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2019. № 2 (22). С. 241–248.
2. Антощенко А. В. Историографический обзор исследований жизни и творчества А. В. Карташева // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 4. С. 26–33.
3. Бычков С. П. Антон Владимирович Карташев – историк русской православной церкви : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1999. 23 с.
4. Геннадий, игумен. Призвание к великодержавию // Возрождение. 1974. № 243. С. 84–90.
5. Карташев А. В параличе // Русское слово. 1913. 31 янв. (13 февр.). № 26.
6. Карташев А. Вредное непонимание церкви// Русское слово. 1913. 15 (28) февр. № 38.
7. Карташев А. Еще один итог // Русское слово. 1913. 18 (31) июля. № 165.
8. Карташев А. Жупелы обер-прокурора Синода // Русское слово. 1913. 10 (23) февр. № 34.

9. *Карташев А. В.* Очерки по истории Русской Церкви. Т. 1. М., 1992. 686 с.
10. *Карташев А. В.* Очерки по истории Русской Церкви. Т. 2. М., 1992. 569 с.
11. *Карташев А.* Первый блин // Русское слово. 1912. 20 нояб. (3 дек.). № 268.
12. *Карташев А.* Подождут // Русское слово. 1913. 25 янв. (4 февр.). № 18.
13. *Карташев А.* Преддверие к реформе церкви // Русское слово. 1912. 23 сент. (5 окт.).
14. *Карташев А.* Религиозная свобода // Русское слово. 1913. 5 (18) февр. № 29.
15. *Карташев А. В.* Реформа Синода и пути к независимости церкви // Русское слово. 1915. 24 окт. (6 нояб.). № 244.
16. *Карташев А. В.* Русская церковь периода империи // Карташев А. В. Церковь. История. Россия. Статьи и выступления. М.: Пробел, 1996. С. 168–182.
17. *Карташев А.* Старый обряд // Русское слово. 1912. 8 (21) февр. № 31.
18. *Карташев А.* Уход Самарина // Русское слово. 1915. 30 сент.
19. *Карташев А.* Церковный переворот // Русское слово. 1913. 8 (21) окт. № 231.
20. *Карташев А.* Церковные реформы и бюджет // Русское слово. 1913. 16 (29) марта. № 63.
21. *Сухова Н. Ю.* А. В. Карташев о синодальном периоде в истории Русской Церкви: стыд и позор или слава и гордость? // Церковь. Богословие. История: материалы VII Всерос. науч.-богослов. конф. Екатеринбург, 8–10 февр. 2019 г. Екатеринбург, 2019. С. 307–313
22. *Сухова Н. Ю.* «Вопреки стеснительному режиму со времени Петра Великого наша церковь все-таки расцвела»: синодальный период православной российской церкви в оценках А. В. Карташева // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2019. № 3(27). С. 66–82.
23. *Шмеман А.* Церковь, государство, теократия. По поводу «Очерков по истории Русской Церкви» А. В. Карташева // Новый журнал. 1960. Кн. 59. С. 270–278.

Evolution of A. V. Kartashev's Views on the History of the Russian Orthodox Church of the Imperial Period

S. P. Bychkov

Omsk State University named after F. M. Dostoevsky, Omsk, Russian Federation

O. V. Gefner

Omsk State Agrarian University named after P. A. Stolypin, Omsk, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the problem of changing the view of the historian of the Russian Orthodox Church Anton V. Kartashev on the peculiarities of the existence of Orthodoxy in the historical period of the Russian Empire. By comparing pre-revolutionary articles and publications of the 1930s and 1950s, the key positions of these changes are determined, and the factors that contributed to the evolution of the historian's scientific views are identified. The author concludes that Kartashev turns from an active critic of church shortcomings into an apologist of the Russian Church of the imperial period, and reveals many positive features of the existence of Orthodoxy during the period of Synodal administration. Russian Orthodox Church, A.V. Kartashev, The Concept of Russian Church History, Synodal administration.

Keywords: Russian Orthodox Church, Synodal period, A.V. Kartashev, the concept of the history of the Russian Church.

For citation: Bychkov S.P., Gefner O.V. Evolution of A. V. Kartashev's Views on the History of the Russian Orthodox Church of the Imperial Period. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2021, vol. 36, pp. 105-117. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2021.36.105> (in Russian)

References

1. Antoshchenko A.V. "Dalnejshee po sekretu tolko dlya Vas". Pisma A.V. Kartasheva G.I. Novickomu. 1953 g. ["Further as a secret, for you only". Anton V. Kartashev's letters to George I. Novitskii. 1953]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Istoricheskie nauki"* [Herald of Omsk University. Series Historical Studies], 2019, no. 2 (22), pp. 241-248. <https://doi.org/10.25513/2312-1300.2019.2.241-248>. (in Russian)
2. Antoshchenko A.V. Istorigraficheskiy obzor issledovaniy zhizni i tvorchestva A.V. Kartashyova [Historiographical review of the studies on the life and work of A.V. Kartashev]. *Uchyonye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk state university], 2019, no. 4. pp. 26-33. <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2019.327> (in Russian)
3. Bychkov S.P. *Anton Vladimirovich Kartashev- istorik russkoj pravoslavnoj cerkvi* [Anton Vladimirovich Kartashev-historian of the Russian Orthodox Church]. Cand. Diss. Sci. Abstr. Ekaterinburg, 1999, 23 p. (in Russian)
4. Gennadij, igumen. Prizvanie k velikoderzhaviyu [Calling to Great Power]. *Vozrozhdenie* [Revival], 1974, no. 243, pp. 84-90. (in Russian)
5. Kartashev A. V paraliche [In paralysis]. *Russkoe slovo* [Russian word], 1913, no. 26. (in Russian)
6. Kartashev A. Vrednoe neponimanie cerkvi [Harmful misunderstanding of the Church]. *Russkoe slovo*. [Russian word] 1913, no. 38. (in Russian).
7. Kartashev A. Eshchy odin itog [Another result]. *Russkoe slovo* [Russian word], 1913. no. 165. (in Russian).
8. Kartashev A. Zpupely ober-prokurora Sinoda [The scarecrows of the Chief Prosecutor of the Synod]. *Russkoe slovo* [Russian word], 1913, no. 34. (in Russian)
9. Kartashev A.V. *Ocherki po istorii Russkoj Cerkvi* [Essays on the history of the Russian Church]. Moscow, 1992, vol. 1, 686 p. (in Russian)
10. Kartashev A.V. *Ocherki po istorii Russkoj Cerkvi* [Essays on the history of the Russian Church]. Moscow, 1992, vol. 2, 569 p. (in Russian)
11. Kartashev A. Pervyj blin [The first pancake]. *Russkoe slovo* [Russian word], 1912, no. 268. (in Russian)
12. Kartashev A. Podozhdut [They'll wait]. *Russkoe slovo* [Russian word], 1913, no. 18. (in Russian)
13. Kartashev A. Preddverie k reforme cerkvi [Eve to the reform of the church]. *Russkoe slovo* [Russian word], 1912, september 23 (october 5). (in Russian)
14. Kartashev A. Religioznaya svoboda [Religious freedom]. *Russkoe slovo* [Russian word], 1913, no. 29. (in Russian)
15. Kartashev A.V. Reforma Sinoda i puti k nezavisimosti cerkvi [Synod reform and the path to Church independence]. *Russkoe slovo* [Russian word], 1915, no. 244. (in Russian)
16. Kartashev A.V. Russkaya cerkov perioda imperii [Russian Church of the Empire period]. *Kartashev A.V. Cerkov'. Istoriya. Rossiya. Stat'i i vystupleniya* [Church. History. Russia. Articles and speeches]. Moscow, Probel Publ., 1996, pp.168-182. (in Russian)
17. Kartashev A. Staryj obryad [The old rite]. *Russkoe slovo* [Russian word], 1912, no. 31. (in Russian)
18. Kartashev A. Uhod Samarina [Samarin's departure]. *Russkoe slovo* [Russian word], 1915, September 30. (in Russian)
19. Kartashev A. Cerkovnyj perevorot [Revolution in the church]. *Russkoe slovo* [Russian word], 1913, no. 231. (in Russian)
20. Kartashev A. Cerkovnye reformy i byudzhet [Church reforms and the budget]. *Russkoe slovo* [Russian word], 1913, no. 63. (in Russian)
21. Suhova N.Y. A.V. Kartashev o sinodal'nom periode v istorii Russkoj Cerkvi: styd i pozor ili slava i gordost'? [A.V. Kartashev on the Synodal period in the history of the Russian Church: shame and shame or glory and pride?]. *Cerkov. Bogoslovie. Istoriya* [Church. Theolo-

gy. History]. Materials of the VII All-Russian Scientific-Theological Conference. Yekaterinburg, February 8-10, 2019. Yekaterinburg, Theological Seminary of Ekaterinburg Publ., 2019, pp. 307-313. (in Russian)

22. Suhova N.Y. Vopreki stesnitelnomu rezhimu so vremeni Petra Velikogo nasha cerkov' vse-taki rascvela: sinodalnyj period pravoslavnoj rossijskoj cerkvi v ocenkah A.V. Kartasheva [“Despite the harsh regime from the time of peter the great our church has been blooming”: the synodal period of the orthodox russian church in A.V. Kartashev’s estimates. *Vestnik Ekaterinburgskoj duhovnoj seminarii* [Bulletin of the Ekaterinburg theological seminary], 2019, no. 3(27), pp. 66-82. <https://doi.org/10.24411/2224-5391-2019-10303> (in Russian)

23. Shmeman A. Cerkov', gosudarstvo, teokratiya. Po povodu “Oчерkov po istorii Russkoj Cerkvi” A.V. Kartasheva [Church, state, theocracy. On the subject of “Essays on the History of the Russian Church” by A.V. Kartashev]. *Novyj zhurnal* [New magazine], 1960, vol. 59, pp. 270-278. (in Russian)

Бычков Сергей Павлович

кандидат исторических наук, доцент,
кафедра отечественной истории
и политологии
Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского
Россия, 644077, Омск, пр. Мира, 55а
e-mail: spbychkov@mail.ru

Bychkov Sergey Pavlovich

Candidate of Sciences (History),
Associate Professor, Department of National
History and Political Science
Dostoevsky Omsk State University
55a, Mir av., Omsk, 644077,
Russian Federation
e-mail: spbychkov@mail.ru

Гефнер Ольга Викторовна

кандидат исторических наук, доцент,
кафедра философии, истории,
экономической теории и права
Омский государственный аграрный
университет им. П. А. Столыпина
Россия, 644008, г. Омск, Институтская
пл., 1
e-mail: ovgefner@gmail.com

Gefner Olga Viktorovna

Candidate of Sciences (History), Associate
Professor, Department of Philosophy,
History, Economic Theory and Law
Omsk State Agrarian University named after
P. A. Stolypin
1, Institutskaya sq., Omsk, 644008,
Russian Federation
e-mail: ovgefner@gmail.com